

ТУФЛИ НА «ШПИЛЬКАХ»

Так случилось, что среди моих редакционных авторов, а также «интервьюруемых» были исключительно мужчины. Я уже привыкла к их суровому стилю, включающему неоправданные эмоциональные взрывы.

Но однажды я получила ответственное задание: сделать к 8 Марта беседу с замечательной детской писательницей, лауреатом Ленинской премии Агнией Барто.

...После многих неудачных попыток встретиться я наконец получила приглашение от Агнии Львовны приехать на улицу имени 8 Марта (такое знаменательное совпадение!), где предстояла встреча писательницы с ее читателями — учениками московской школы № 227.

Задание было срочное, уже было оставлено место в предпраздничном женском номере. Я приехала в школу заранее и в ожидании встречи рассматривала наивные, трогательные, детские рисунки, развешанные по стенам: вот мальчик и девочка, взявшись за руки, весело шагают по орбите земного шара, и на них, улыбаясь, глядит озорное, курносое, оранжевое солнце. А на другом рисунке чернокожий малыш горько оплакивает маму и разрушенный оккупантами родной дом. Под каждым рисунком — яркая подпись: «Нет — войне!».

Близилось время встречи, и шумливые школьники заполняли актовый зал: словно белые гвоздики — пышные банты девочек, строгие погончики — на школьных мальчишеских «мундирах»...

Вместе с учителями я вышла к подъезду, чтобы встретить Барто. Она легко выпорхнула из машины (именно «выпорхнула», хотя ей было за семьдесят) в накинутаю на плечи коричневой шубке, в туфлях на очень высоких тонких каблуках, которые громко зацокали по школьному крыльцу. Она приветливо поздоровалась с встречавшими ее людьми, скинула в гардеробе шубку и легкой походкой в строгом темном костюме, на лацкане которого сиял лауреатский значок, направилась в нетерпеливо гомонящий актовый зал. Чувствовалось, что писательница здесь как дома, хотя в этой школе, как выяснилось, впервые.

Еще в коридоре к Агнии Львовне подбежала первоклассница и огорченно сказала:

— Что мне делать? Половина вашего стихотворения заболела!

Это означало, что две девочки должны были

исполнить стихотворение Барто в лицах, а одно «лицо» заболело.

— Не волнуйся, читай свою половину, другую прочту я! — улыбнулась Агния Львовна.

В зале у меня почти не было работы: интервью вели за меня... сами читатели, задавая госте множество вопросов, на которые она исчерпывающе отвечала, а мне оставалось лишь успевать записывать.

— Когда вы написали ваши первые стихи?

— А не хотели ли вы стать доктором?

— Как рождалась ваша книга «Переводы с детского»?

— Об этой книге разговор особый, — говорит Агния Львовна. — В нее вошло, например, стихотворение финской девочки Тиины Линдстрем. Вот оно дословно: «Белые голуби поймали черную железную птицу, которая подстрекает людей к вой. не... Молодец, белая птица!» А вот мой перевод.

Люди на улице
Подняли головы:
Голуби, голуби,
Белые голуби.
Шумом их крыльев
Город наполнил,
Людьми о мире
Голубь напомнил.
Черная птица —
Откуда такая! —
Бьетса, прохожих
К войне подстрекая.

Черная птица
Клювом железным
С голубем белым
Бьетса над бездной.
Пусть он везде
Победителем будет —
Голубь отважный,
Крылатый витязь!
Не убивайте друг друга,
О люди!
Остановитесь!

Эти стихи взволновали всех, так как говорили о самом главном — о необходимости мира на земле. Дети долго не расходились после этой встречи, просили писательницу приехать к ним еще. Все это я подробно описала в своей беседе, не забыв упомянуть для наглядности многие подробности, в том числе легкую походку Агнии Львовны в туфлях на «шпильках».

Материал одобрили и сдали в набор. Он назывался «Молодец, белая птица!». Но когда наутро я поехала в Лаврушинский переулок к А. Барто визировать гранки, то на меня словно налетел смерч.

Едва дойдя до «шпилек», она дальше мой опус даже не стала читать и возмущенно спросила:

— Откуда вы взяли туфли на «шпильках»? Они уже давно вышли из моды. Взгляните сюда! — И Барто откуда-то из-под тахты извлекла черные

лаковые лодочки. Те самые, в которых «выпорхнула» вчера возле школы. Каблуки у них были высокие, прямые, но, пожалуй, действительно для названия «шпильки» слишком толстые. — Да сами-то вы какие туфли носите? — спросила она.

Я старательно спрятала под стул свои ноги, обутое в плоские безкаблучные «галошки». (Кстати, сейчас, спустя несколько лет, именно такие и стали «криком моды»).

И началось! Раздражение писательницы перекинулось с невинных туфель на все остальное. То ей не нравилась, по-моему, вполне нормальная фраза, то было неточным, с ее точки зрения, определение. Принесенные мной гранки, словно белые птицы, порхнули в корзину. А Барто села собственноручно переписывать злополучное интервью...

Когда я явилась в редакцию с новым вариантом статьи, которая стояла в подписной полосе, можете себе представить «громы и молнии», обрушившиеся на мою бедную голову. Все спешили поздравить родных женщин с весенним праздником, а тут все заново перебирать. К тому же Барто, зная телефон типографии, донимала дежурную группу все новыми и новыми правками...

Дома я провела кошмарную ночь, ожидая соответствующих «поздравлений» от начальства. Каково же было мое удивление, когда, вынув утром из почтового ящика праздничный номер газеты, я увидела в нем... мой вариант беседы, в котором была единственная поправка: вместо туфель на «шпильках» фигурировали «туфли на высоких прямых каблуках». Все остальное осталось в неприкосновенности. «Неужели спешащие верстальщики все перепутали?» — холодея от ужаса, подумала я. Но выяснилось другое: спустя полчаса после «аврала» Агния Львовна позвонила дежурному редактору и, извинившись, просила восстановить мой вариант, так как, успокоившись, она поняла, что все в порядке (кроме туфель, конечно).

...На полученный за интервью гонорар я купила себе туфли. Точно такие же, как у Агнии Львовны, — черные, лаковые, на высоких прямых каблуках.

Но с тех пор с женщинами-авторшами, даже такими талантливыми, какой была Агния Барто, стараюсь дел не иметь. Мужчины в этом смысле как-то менее подвержены капризам моды. Даже в день 8 Марта я это вынуждена признать.

Валентина ЖЕГИС.

Сов. культура, 1985,
8 марта